

ФИЛОЛОГИЯ

*Наталья Николаевна БЕЛОЗЕРОВА —
заведующая кафедрой английского языка,
доктор филологических наук, профессор*

УДК 003:2

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ИНВЕРСИИ: КОНЦЕПТ «МЕСТЬ» В РУССКОЙ ЭПИСТЕМЕ 19-ГО ВЕКА

АННОТАЦИЯ. Автор выдвигает гипотезу о существовании концептуальных инверсий и доказывает ее на основе концепта «мечь», последовательно анализируя особенности его реализации в русских лексемах, пословицах и художественных текстах русских авторов 19-го века. Для выборки и обработки материала были использованы 10 электронных библиотек и поисковая программа «конкорданс».

The author puts forward her hypothesis that concepts could be inverted and proves it upon the concept «revenge» analyzing the peculiarities of its realization in Russian lexemes, proverbs and in the fiction of Russian great writers of the 19th century. 10 electronic libraries and «the concordance programme» have been used to select and to process data.

Концепт, понимаемый нами в вайсгерберовском [(Weisgerber, Johann Leo) (1899–1985)] смысле как *создаваемый языком «духовный объект», структурирующий действительность* [1], является абстрактной сущностью. Будучи абстрактной сущностью, он может быть описан и представлен множеством способов, в зависимости от научной принадлежности исследователя. Например, в когнитивной лингвистике для его моделирования используются термины «фрейм», «слот», «перекрестный концепт», «ассоциативная нить», «mapping» [2]. Как любая абстрактная сущность, концепт находит материальное выражение, поскольку распознать его можно только анализируя лексемы, метафоры, мифы, фольклор, произведения литературы и искусства, в которых закрепились представления человека об окружающем его мире и о собственной природе. Концепт обладает как константными параметрами, так и переменными. Константные параметры обычно являются структурными компонентами, т. е. представляют собой семантическую *структуру*. Переменные параметры — это собственно семантемы, содержание которых зависит от культурно-исторического контекста, от конкретных носителей концепта, от социальной среды носителей. Даже если мы будем рассматривать содержание концепта в определенный исторический момент, то оно будет не однородным, а в значительной степени обусловленным социокультурным контекстом его носителей, будь то концепт «счастья» или «богатства». В разных культурных средах эти концепты могут представлять собой либо две совпадающие семантемы, либо две расходящиеся. Еще большие различия будут наблюдаться в исторической перспективе, что особенно очевидно при наблюдении за

крупными концептуальными образованиями, например, переходом мифопоэтической картины мира в научную и, соответственно, отражением концептуальных преобразований в языковой картине мира. Мы назовем эти концептуальные преобразования *концептуальными инверсиями*; в некоторых случаях будем пользоваться термином *инвертированный концепт*. Примером такого инвертированного концепта может служить концепт «рыцаря», семантема которого при зарождении содержала семантический константный компонент, выраженный *идеей благородного происхождения и идеей благородного или галантного поведения*, а также ряд переменных семантических компонентов, таких как *идея доблестного служения с оружием в руках Богу (включая поиск святого Грааля), Донне (изначально Мадонне, затем Прекрасной даме) и сюзерену*. Такой концепт образовывал ядро эпистемы средневековья [3]. В результате последующего травестирирования концепта в эпоху Возрождения, при выдвигании в центр иного доминантного концепта (человека мыслящего и действующего), инверсии затрагивают семантический компонент. Так, рыцарь Фальстаф и сэр Эйжюйчик у Шекспира рыцарски служат бутылке, даме легкого поведения или не соответствующего им сословия (служанка-госпожа) или, как и у Пушкина, «деньгам». Соответственно такие инверсии закрепляются в языке, например, невысказанное для первоначальной эпистемы сочетание «Скупой рыцарь».

При доминировании (или при отсутствии инверсии) константных компонентов, например, семантической структуры «благородного поведения» концептуальных преобразований не наблюдается. Примером может служить Дон Кихот, Рыцарь Печального Образа, созданный с целью травестирирования М. Сервантесом, и воспринятый читателем как символ благородного служения добру. Поэтому травестирующие атрибуты, такие как тазик для бритья вместо шлема, старая кляча вместо доблестного коня, посвящение в рыцари хозяином постоялого двора, крестьянка Альдонса, воображаемая прекрасной благородной Дульсиной Тобосской и многие другие атрибуты не сыграли роли *инвертем* (инверсирующих элементов), поэтому словосочетание «Рыцарь Печального Образа» не противоречит изначальному концепту рыцаря. Большую роль в «непроизшедшей концептуальной инверсии» сыграл наложившийся на концепт рыцаря концепт (*мотив* в другой семиотической системе) *мудрого безумия*, входящий в эпистему Возрождения (см. «Похвала глупости» Э. Роттердамского, «Гамлет», «Король Лир» Шекспира) и восходящий к гомеровскому Одиссею (Улиссу в латинской традиции). Интертекстуальная обусловленность концепта «мудрого безумия» обеспечила превалирование структурно-семантических доминант как в нем самом, так в концептах, вступающих с ним в синтез. Здесь наблюдается проявление модифицирующей *категории интерэксистенциональности (авт.)*, поскольку появляется возможность рассматривать взаимодействие константных и переменных оппозиций, приводимое в действие механизмом одновременного сходства и различий (*différence*). Появляется также возможность рассматривать концепт как фрактальное образование с разветвлениями в точках роста и с пересечениями в векторах развития.

Подобное взаимодействие мы рассмотрим на примере концепта «мечь» в русской культуре в рамках эпистемы девятнадцатого века, преимущественно на материале русских лексем, пословиц, входящих в семантическое поле концепта «мечь», а также рассказов А. П. Чехова, озаглавленных «Мечь» (два рассказа), «Мечь женщины» и «Мстителю». Кроме того, будет проанализирована частотная узуальная выборка из электронных библиотек полных собраний сочинений А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя, Ф. М. Достоевского, Н. С. Лескова, Л. Н. Толстого и А. П. Чехова. Для сопоставления будут привлекаться лексемы и семантемы английского языка, в частности, выборка на основе программы конкорданса из произведений Шекспира [4].

Для анализа лексем мы сочли наиболее целесообразным тезаурусный принцип, поэтому произвели выборку в основном из Словаря синонимов русского языка, проверку проводили при помощи Словаря великорусского языка В. Даля, словаря Ожегова и этимологических словарей. Всего было проанализировано 37 синонимических групп (кластеров) и входящих в них 280 лексем, которые образуют семантическое поле «месть».

Анализ лексем выявил прежде всего причинно-следственную обусловленность оппозиций, которая касается как константных оппозиций, так и переменных. Кроме того, прослеживается оппозиция и на уровне характера (природы) обусловленности — *естественная обусловленность versus культурная (регулятивная обусловленность)*. Представим выделенные оппозиции:

1. Причинно-следственная связь, оппозиции: (естественная обусловленность)

(1) Обида/оскорбление/надругательство — наказание (кара, расплата, возмездие, немезида), (2) обида — мщенье, (3) оскорбление — справедливость; (4) честь — месть; (5) горькая обида — сладкая месть (с точки зрения мстителя); (6) гордость, достоинство — унижение — месть; (7) ненависть (беспричинная, классовая, родовая) — месть; (8) ревность — месть; (9) зависть-месть; (10) Сладкая месть (блаженство, удовольствие, нега, наслаждение, удовольствие, наслаждение, приятность, сладость, смак, сласть, услада, утешение -утешаться, находить утешение) (с точки зрения мстителя) — страшная месть (с точки зрения мстимого)

Эти оппозиции можно считать универсальными, поскольку в основе их лежат естественные эмоции человека, которые не зависят от этнической (культурной принадлежности). При этом компонент *месть* является аксиологически маркированным, представляя собой часть естественного права человека на защиту собственного достоинства.

2. Причинно-следственная связь, оппозиции (регулятивная культурная обусловленность)

(1) Тайная месть — спор, честная драка, дуэль; (2) месть — Божий суд (страшная месть); (3) месть — закон, суд (уголовный-гражданский) (взыскание, расправа, репрессия (телесное) экзекуция); (4) месть — прощение (помилование — прощение, милость, прощение, извинение (греха вины) отпущение); (5) месть (плата злом за зло)-непротивление злу насилием; (6) месть — терпение (**вытерпеть** — вооружиться / запастись терпением, стерпеть, вынести, снести, перенести (муки, испытания) выдержать, перетерпеть (оскорбление) проглотить); (7) месть — покаяние

Анализируя второй ряд оппозиций, мы пришли к выводу, что произошло смещение аксиологической маркировки. Компонент «месть» перестает представлять собой безусловную ценность.

Уже на этом уровне анализ оппозиции *естественная обусловленность versus культурная (регулятивная обусловленность)* помог вычленивать константу и переменные.

КОНСТАНТА концепта «месть» может быть сформулирована следующим образом: *представление о справедливом, доставляющем удовлетворение возмещении (возмездии) причиненного ущерба (материального, морального)*.

Пользуясь терминологией В. Я. Проппа, структуру (алгоритм) константы можно представить следующим образом

Акт1: *Вредитель* наносит вред *Герою*, в результате чего возникает *Недостача*, которую надо возместить, нанеся адекватный вред *Вредителю*.

Акт2: *Герой* или его *Заместитель* (Бог, Родственник, Судья) мстят (наносит адекватный вред) *Вредителю*, в результате чего возникает *Недостача* у *Вредителя*.

Структура обладает зеркальным редублицирующим потенциалом, т. е. может наблюдаться неоднократная мена функциями между *Героем* и *Вредителем*.

Эта редублицирующая структура отражена в этимологии английского слова *revenge*: (Etymology: Middle English, from Middle French *revengier*, from Old French,

from *re- + vengier - to avenge- more at vengeance* — *Britannica Deluxe*) [5], где *re* представляет собой префикс, указывающий на повторение действия. Частично редуцирующая структура отражена и в русских лексемах «*отомстить*», «*отплатить*», «*отработать*», где префикс *ото/от* указывает на зеркальное повторение действия [6].

Очевидно, что константа обладает универсальным характером, свободным от культурной обусловленности. На это указывают примеры из различных мифологических систем (мифопоэтических картин мира), в которых закрепились первичные, наивные представления о мире и о человеке, впоследствии ставшие константными и в языковых картинах мира. Так, «*месть*» является доминантой структуры таких мифологических героев как *Гудрун*, *Беовульф*, *Кримхильда* (см. германо-скандинавский эпос «*Старшая Эдда*», «*Беовульф*», «*Песнь о Нибелунгах*»). В греческой мифологической системе аллегорическим воплощением концепта мести являются *Медея* (цикл мифов о добыче Золотого руна), *Гекуба* (цикл Троянских мифов), *Тереус* (цикл мифов об афинских правителях). В библейских текстах наиболее ярким мстителем представлен *Навуходоносор* [7].

Переменные составляющие концепта представляют собою оппозиции *естественной*, присущей человеческой психике обусловленности и *культурной* (*эпистемологической, идеологической, социальной, этической и аксиологической*) обусловленности, зависящей от уровня развития общества. Очевидно также, что инверсии стали результатом *переноса аксиологической маркировки* с одного члена оппозиции на другой.

Проверим наши заключения на основе паремеологического материала. В пословицах, как и в лексемах, закрепляется коллективный опыт этноса, поэтому привлечение пословиц для проверки лингвистических гипотез представляется правомерным. При этом мы останавливаемся на словаре В. Даля, как наиболее объективно отражающем наивную картину мира и свободном от идеологического «социального заказа» при формировании его содержания. Как и при анализе лексем, мы воспользовались электронным вариантом словаря пословиц В. Даля, где полностью сохранено информационное наполнение, при этом предоставляется возможность провести быструю и точную выборку при помощи программы *конкорданса*.

Из 181 парных или третичных фреймов [8] были выбраны семантически близкие к выделенным выше фреймы: *брань – привет* (224 единицы), *вина – заслуга* (151 единица), *горе – обида* (203 единицы), *гроза – кара* (214 единицы), *добро – милость-зло* (273 единицы), *зависть – жадность* (193 единицы), *кара – милость* (98 единицы), *кара – послушание* (47 единицы), *кара – потачка* (50 единицы), *кара – признание – покорность* (106 единицы), *кара – угроза* (53 единицы), *закон* (22 единицы), *мир – ссора – спор* (129 единицы), *правда – кривда* (407), *смирение – гордость* (164 единицы), *ссора – брань – драка* (117), *суд – правда* (79 единицы), *честь – почет* (82 единицы) (всего 18 фреймов), насчитывающих 2623 пословицы. Сразу отметим, что отдельный фрейм «*месть*» у Даля не выделен, а количество пословиц с лексемой «*месть*» или ее модификациями составляет всего 4 единицы: *Лесть да месть дружны; Мста (месть) не мзда, Для отмщения обиды врагу — ставят свечу комлем вверх; Вырасту – вымещу. Малый вырастет — все выместит.*

Между тем сам концепт «*месть*» структурирован достаточно четко на основе константы и переменных, представленных в оппозиции «*естественная обусловленность*» *versus* «*культурная обусловленность*».

Для удобства обобщения представим результаты анализа в виде таблицы, выбрав в качестве примеров наиболее характерные пословицы (табл. 1).

Причинно-следственные оппозиции концепта *месть* в русских пословицах

Фрейм	Константа	Естественная доминанта	Культурная доминанта	Аксиологическая доминанта (относительно концепта «месть»)	
				+	-
Брань – привет (224 единицы)	+ для всех <i>Твой бы приговор, да тебе же во двор</i>	54 <i>Сип тебе в кадык, тупун на язык, чирей во весь бок</i>	170 <i>Кроткое слово гнев побеждает</i>	52 <i>Чтоб тебе ежа против шерсти родить</i>	172 <i>Лучше брани Никола с нами! Благословенье лучше проклятия.</i>
Вина – заслуга (151 единица)	+ для всех <i>На суде Божьем право пойдет направо, а криво налево.</i>	73 <i>Отольются кошке мышканы слезки</i>	78 <i>Каков купец (т. е. покупатель), таков и продавец.</i>	55 <i>Как свистнуло, так и гаркнуло.</i>	96 <i>Добра желаешь, добро и делай!</i>
Горе – обида (203 единицы)	+ для всех <i>Кто завидлив, тот и обидлив</i>	136 <i>Кто кого сломит, тот того и топчет</i>	67 <i>Суди Бог того, кто обидит кого.</i>	5 <i>Разорви тому живот, кто неправдой живет.</i>	198 <i>Не вороши беды, коли беда спит.</i>
Гроза – кара (214 единицы)	+ для всех <i>Не сносить ему головы на плечах своих.</i>	54 <i>Быть козе на бузе, т. е. быть на привязи</i>	160 <i>Звонок бубен, да страшен изумен</i>	27 <i>Застрелю, да и хоронить не веляю.</i>	187 <i>Не пугай сокола вороной!</i>
Добро – милость – зло (273 единицы)	+ для всех <i>Зла за зло не воздавай</i>	97 <i>У кого желчь во рту, тому все горько</i>	176 <i>Добро худо переможет</i>	42 <i>Я тебе покажу кузькину мать!</i>	231 <i>Гнев – человеческое, а злопамятство – дьявольское</i>
Зависть – жадность (193 единицы)	+ для всех <i>Не то обида, что вино дорого, а то обида, что целовальник богатеет</i>	178 <i>За чужим погонишься – свое потеряешь</i>	15 <i>Завистливый по два века живет</i>	2 <i>Себя изведу, а тебя дойму. Сам наг пойду, а тебя по миру пуцу</i>	191 <i>Чужой бедой сыт не будешь. Чужая обида (беда, нагота) не разжива</i>
закон (22 единицы)	+ для всех <i>Не зная закона, не знает и греха</i>	-	22 <i>Незнанием закона никто не отговаривайся!</i>	14 <i>Все бы законы потонули да и судей перетопили</i>	8 <i>Недолго той земле стоять, где учнут уставы ломать</i>
кара – милость (98 единицы)	+ для всех <i>Каждому по заслугам. Каждому свое.</i>	73 <i>Кого люблю, того и бью</i>	25 <i>Святым кулаком да по окаянной шее.</i>	57 <i>Лихое лихим избывается. Лихое лихим и нять.</i>	41 <i>Не налагай гнева, наложи милость! Переложки гнев на милость</i>
кара – ослушание (47 единицы)	+ для всех <i>Будешь на том свете попа в решетке возить (за грехи).</i>	33 <i>Отрубить ему голову по сямые плеча</i>	14 <i>Услан березки считать (по дороге, т. е. сослан в Сибирь).</i>	28 <i>По вору и мука</i>	19 <i>Дальше солнца не сошлют.</i>
кара – потачка (50 единицы)	+ для всех <i>Пустив козла в огород – яблонь страхом не огородишь</i>	37 <i>Худое дерево с корнем вон.</i>	13 <i>Бойтся школьник лозы пуце грозы.</i>	44 <i>Кого журю (или: браню, бью), того люблю</i>	6 <i>Овцу стригут, баран дрожит</i>

Продолжение таблицы 1

кара – признание-покорность (106 единиц)	+ для всех По дважды и бог за одну вину не карает	29 По которой реке плыть, ту и воду пить	77 Виноватый в вине, правый в правде, а всякому греху покаяние	26 Когда солдат палки не боится, ни в строй, ни в дело не годится	80 Держи голову уклонну, а сердце покорно
кара – угроза (53 единицы)	+ для всех Вырасту - вымещу. Малый вырастет - все выместит.	52 Я тебя заставлю рылом хрен копать	1 Болтай, болтай - недалеко Валдай (о колокольчике)	53 Ты у меня кровью своей умоешься	-
мир – ссора – спор (129 единиц)	+ для всех Для отмщения обиды врагу - ставят свечу комлем вверх.	16 Не бей по роже: себе дорожке	113 Не убьешь словом, да озадачишь (опозоришь)	10 Чирей в ухо, а камень в брюхо.	119 Где любовь, там и Бог. Мир да лад — Божья благодать
правда – кривда (407)	+ для всех Как ручки сделали, так спинка износит	96 С больной головы да на здоровую.	311 За правого Бог и добрые люди.	32 Сам заварил кашу, сам и расхлебывай	375 Сперва рассуди, а там осуди!
смирение – гордость (164 единицы)	+ для всех Суровый на скачет (на беду), а на смиренного люди нанесут.	26 Идет, как вошь на чело ползет.	138 Что вашему пригожеству до нашего убожества	16 Убавить кому спеси; побить спеси; подрубить хвост.	148 Возносяся, смиришься, а смиряясь, вознесешь
ссора – брань-драка (117)	+ для всех Хотя себе досадить, а недруга победить.	58 Попался, который кусался.	59 Плуг кормит, а лук (оружие) портит	54 И смирен пень, да что в нем?	63 Собака лает, ветер носит.
суд – правда (79 единиц)	+ для всех Согрешу, да дело решу. Согрешу, а твоим судом решу.	5 Правда твоя, мужичок, а полезай-ка в мешок!	74 Правда у Петра и Павла (где в Москве был застенок).	2 Чья сильнее (или: смелее), та и правее	77 Кто правого винит, тот сам себя язвит
честь – почет (82 единицы)	+ для всех Смерть лучше бесчестья.	5 Не бей по роже, себе дорожке.	77 Чести дворянин не кинет, хоть головушка погинет (сгинет)	38 Смерть лучше бесчестья. Бесчестье хуже (тяжелее) смерти	44 Честь чести на слово верит
итого	2623	1025	1598	557	2066

Анализ показал, что константа представление о справедливом, доставляющим удовлетворение возмещении (возмездии) причиненного ущерба (материального, морального) представлена во всех фреймах. В целом для взаимодействия причинно-следственных переменных оппозиций характерно доминирование регулятивной/культурной составляющей, хотя в таких фреймах как горе — обида, зависть — жадность, кара — милость, кара — послушание, кара — потачка естественная обусловленность преобладает. Анализ семантики всех фреймов позволил сделать вывод, что основным регулирующим элементом стала христианская доктрина, налагающая запрет на самосуд и на воздаяние злом за зло. Кроме того, этот регулирующий элемент вызвал и смещение аксиологической доминанты (577/2066), хотя в ряде фреймов наблюдается аксиологическое равновесие (закон, кара — обида, кара — ми-

лость), а в фреймах кара — угроза, кара — потачка концепт «мечь» обладает абсолютной положительной ценностью. Ограниченное количество пословиц с лексемой «мечь» наводит на мысль об определенной узальной табуированности ее.

Для окончательного вывода о характере использования данной лексики посмотрим, как она представлена в авторских текстах девятнадцатого века и ее соотношение с рядом других лексем, входящих в семантическое поле «мечь». Для этой цели мы используем поисковую систему (программу конкорданс) и электронные библиотеки (CD-ROM) [9] полных энциклопедических собраний сочинений А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя, Ф. М. Достоевского, Н. С. Лескова, Л. Н. Толстого, А. П. Чехова (табл. 2).

Таблица 2

Частотность употребления лексем концепта «мечь» в классической русской литературе (включая дневники и письма)

Автор	Мечь	Возмездие	Кара	Честь	Милость	Прощение
А. С. Пушкин	12	6	6	185	73	36
М. Ю. Лермонтов	39 (из них 7 вариантов)	отсутствует	3 (качать)	83	8	13
Н. В. Гоголь	23	3	4	192	208	8
Ф. М. Достоевский	7	10	11	332	66	24
Н. С. Лесков	5	2	10	227	209	22
Л. Н. Толстой	6	10	отсутствует	129	50	10
А. П. Чехов	10	3	отсутствует	322	128	10

Из таблицы следует, что произошло структурное изменение константы. Редуплицирующий алгоритм: «Акт 1. Вредитель наносит вред Герою, в результате чего возникает Недостача, которую надо возместить, нанеся адекватный вред Вредителю. Акт 2. Герой или его Заместитель (Бог, Родственник, Судья) мстят (нанеся адекватный вред) Вредителю, в результате чего возникает Недостача у Вредителя» (обозначим его АЛГОРИТМ 1) сохраняет только начальную структуру при полном исчезновении параллелизма действия. В результате появляется измененный (инвертированный) алгоритм (АЛГОРИТМ 2):

Акт 1. Вредитель наносит вред Герою, в результате чего возникает Недостача, которая воспринимается как нарушение Чести, которую надо возместить, нанеся оскорбление Вредителю и вызвав его на поединок. Акт 2. Герой оскорбляет Вредителя и вызывает его на поединок. Акт 3. Во время поединка герой и вредитель меряются силами, и с гибелью либо Вредителя, либо Героя честь восстановлена [10]. Исходом может служить и примирение (прощение, милость).

Анализ пословиц (фрейма драка — ссора) показал, что этот алгоритм константы «честь» столь же древен, как и алгоритм константы «мечь». Оба алгоритма обладают чертами архетипа, то есть могут моделировать ситуацию в любых культурах [11]. Единственное различие состоит в том, что фрейм драка-ссора и фрейм честь реализуются в различных социальных средах. Обе константы в произведениях могут реализовываться взаимно, в зависимости от структуры героя. Так, в пушкинской повести «Капитанская дочка» одновременно реализуются константы мести (Пугачев, Швабрин) и чести (Гринев, Пугачев относительно Гринева). Та же одновременная реализация констант мести и чести характерна для драмы М. Ю. Лермонтова «Маскарад». Если мы возьмем для сопоставления трагедию Шекспира [12] «Гамлет», то она начинается в соответствии с жанром как трагедия мести (*revenge tragedy*), а заканчивается как трагедия чести, при этом сама идея мести теряет для героя Шекспира свою ценность (*my dull revenge*), что стало результатом иной, нежели раннесредневековая, эпистемологической обусловленности героя [13]. Такое одновременное взаимодействие концептуальных констант обуславливает инверсию самого концепта.

И последнее, что мы привлечем для обоснования постулата о концептуальных инверсиях, это произведения русских классиков, в заглавие которых вынесено слово *месть* или *мститель*. Это повесть Н. В. Гоголя «Страшная мечь» и четыре рассказа А. П. Чехова «Мечь» (два рассказа), «Мечь женщины» и «Мститель» [14]. Для сравнения привлечем драму М. Ю. Лермонтова «Маскарад», где мотив мести является одним из центральным. Представим основные параметры этих рассказов в табл.3.

Таблица 3

Концептуальные параметры рассказов с компонентом заглавия «мечь»

Автор/ произведение	Хронотоп (пространство / Время)	Хронотоп (герой)	Доминирующая структура кон- станты	Доминирую- щий тип обу- словленности	Мститель / Тип возмездия / Ак- сиология
М. Ю. Лермонтов «Маскарад»	«Свет» (нач. 19 в.) Дом Арбенина: Былы, Маскарад, Игровая комната	Светские люди: Евгений Ар- бенин – рев- нивец, инте- рекстуально моделирован (Отелло) Князь, etc .	Алгоритм 2 (честь) + Алгоритм 1 (мечь)	Культурно- естественная обусловлен- ность	Светская мечь + мечь за оскорб- ленную честь + мечь ревнивца +
Н. В. Гоголь «Страшная мечь» (Сер. 19 в.)	Киев, Заднепровье/ старина, потусторонний мир	Колдун / оборотень	Алгоритм 1 (мечь)	Естественная обусловлен- ность	Божий суд: «в бездонном провале грызут мертвецы мерт- веца» +
А. П. Чехов «Мечь» (1)	Именины у приятеля, дом, городской сад / (Конец 19 в.) сознание героя	Лев Саввич Турманов, отъянный убийца , привыкший к изменам жены Дегтярев- сослуживец – любownik жены. Купец, испу- гавшийся шантажа	Алгоритм 2 (честь) + Алгоритм 1 (мечь) (отмщению подвергается не измена жены, а оскорбление словами «ин- дюк», «Собаке- вич»)	Естественно- культурная обусловленность	Травестирован- ная мечь: расхождение между планом и результатом: Вредитель вознагражден, вред нанесен невинному купцу +/-
А. П. Чехов «Мечь» (2)	Театр, спальня инженю/ День бенефиса, (конец 19 в.) сознание героя	Инженю, Комик (отказ инже- ню дать ко- мику для роли халат бывшего любownika)	Алгоритм 1 (мечь)	Естественная (обида)	Мелкая мечь: обман публики- ложный аншлаг +/-
А. П. Чехов «Мечь женщины»	Квартира забо- левшего зубной болью, (конец 19 в.)	Униженная отсутствием собственных денег жена забо- левшего, доктор, требующий вознаграж- дения	Алгоритм 1 + Алгоритм 2	Естественная (унижение)	Возвратное дей- ствие (доктор добровольно лишается своих денег) +/-
А. П. Чехов «Мститель»	Оруженный магазин, конец 19 века, сознание героя	Приказчик Муж – рого- носец, выби- рающий для отмщения пистолет, приобретает сетку для ловли пере- пелов	Алгоритм 1 + Алгоритм 2	Естественная (ревность), культурная (защита чести)	Воображаемые варианты мести: «Итак: ее я ос- тавлю в живых, себя не убиваю, его... тоже не убиваю.» +/-

В ходе сопоставления основных параметров становится очевидным, что хроно-топные характеристики обуславливают специфику представления концепта. Выбор времени и места действия, социального статуса героя, как и его социальной среды, его интертекстуальная обусловленность определяют константные параметры концепта, а сюжетный, нарративный и дискурсивные ходы определяют доминирование естественной или культурной обусловленности. Совокупность параметров, в свою очередь, обуславливает аксиологию концепта. Так, в драме М. Ю. Лермонтова «Маскарад» представлена естественная среда (дворянство, высший свет), почти среда-донор для концепта честь, при этом параметр «честь» является компонентом структуры героя (Арбенина). Интертекстуальная основа (Отелло), с одной стороны, закрепила константные характеристики концепта «честь», с другой стороны — ввела второй компонент структуры героя (ревнивца -мстителя), что привело к взаимодействию двух константных алгоритмов. Эта же интертекстуальная основа определила структуру и других героев: оболганной и невинно пострадавшей жены (Нина — прототип Дездемона), завистников — мелких мстителей (Князь и др. — прототип Яго, Эмилия). Все это привело к тому, что концепт мести представлен в драме аксиологически положительным. Использование прототипического сюжета (*Сюжет о неверной жене и муже — рогоносце — ревнивце*) объединяет драму М. Ю. Лермонтова с рассказами А. П. Чехова «Месть» и «Мститель» и отчасти «Месть женщины», в которых хроно-топные параметры обладают совершенно иной семантикой. Еще в «Декамероне» Бокаччо и в «Кентерберийских рассказах» Дж. Чосера (рассказ Мельника) происходило травестированное развитие сюжета о неверной жене, если обманутым мужем был представлен персонаж, принадлежащий к простонародью (*the vulgar*), и если пространственно-временные параметры отражали более низкую, чем рыцарская (аристократическая) среду. В рассказах А. П. Чехова наблюдается именно такое травестированное развитие сюжета и концепта мести, обусловленное семантическими параметрами хроно-топа. При этом большую роль в травестировании сюжета и концепта сыграл частичный перенос действия в сознание главных героев, что сблизило поэтику А. П. Чехова с поэтикой модернистов, в частности, с поэтикой Джеймса Джойса. Для более четкого определения механизма травестирования и инвертирования концепта «месть» необходимо проследить последовательность нарративных и дискурсивных ходов двух рассказов А. П. Чехова «Месть» и «Мститель».

Мы рассмотрим эти рассказы как единое фрактальное целое, где концепт «месть» является стартовой точкой развития, а концептуальные, нарративные и дискурсивные оппозиции представляют собой векторы развития. Такими же векторами развития являются текстовые категории *голоса, точки зрения*, непосредственно обуславливающие развитие сюжета.

Основной особенностью *нарративных ходов* в этих рассказах является эффект *обманутого ожидания*, представленный как с точки зрения *персонажа*, так и с точки зрения *читателя*. Так, в рассказе «Месть» наблюдаются две подобные цепочки развития (два вектора): (1) для персонажа Льва Саввича Туманова (*обывателя*) неожиданным явилось, что любовником его жены стал (1а) его приятель и сослуживец Дегтярев, который (1б) называет его индюком, гусаком, пузаном и Собакевичем, неожиданным явилось и то, что (1в) купец Дулинов испугался и поддался на его *изощренный шантаж*, и вместо того, чтобы вызвать для ареста мнимого шантажиста Дегтярева *городовых*, трусливо положил в требуемое место *двести рублей*, тем самым (1г) вызвав у ошарашенного Дегтярева благодарственное *Merci*. (2). Для читателя цепочка, построенная на эффекте обманутого ожидания представлена следующим образом: (2а) Турманов оскорблен не самим фактом измены жены, а грубыми словами Дегтярева, (2б) Турманов придумывает и пытается осуществить абсолютно нелогичный сценарий мести, при котором отомщенным оказывается абсолютно не причастное лицо (купец). В рассказе «Мститель» покупка главным

героем (Федором Федоровичем Сигаевым) сетки для ловли перепелов вместо пистолета для кровавой мести любовнику, жене и самоубийства является эффектом обманутого ожидания как для двух персонажей (самого Сигаева и француза-приказчика, вдохновенно рекламирующего оружие), так и для читателя.

Особенности дискурсивных ходов определены, с одной стороны, «точкой восприятия». Так, в рассказе «Мечь» Турманов случайно подслушивает разговор Дегтярева с его женой, наблюдает за их поведением, за изыманием Дегтяревым «послания» из мраморной вазы в саду, а в рассказе «Мститель» вдохновенная словесная реклама пистолетов приказчиком явилась отправной точкой для развития размышлений или «потока сознания» оскорбленного мужа. Поэтому, с другой стороны, дискурсивные ходы определены двумя планами развития сюжета: (1) планом представления реального действия и (2) планом представления воображаемого действия, развивающегося в сознании. Реальное действие, как мы определили, построено на эффекте обманутого ожидания, при этом концепт «мечь» травестируется. Воображаемое действие полностью построено на положительной аксиологии концепта мечь, что видно из приведенных ниже цитат:

Мечь	Мститель
И он думал, что хорошо бы теперь побить Дегтярева, подстрелить его на дуэли как воробья... стихнуть с должности или положить в мраморную вазу что-нибудь неприличное, вонючее -дохлую крысу, например...	...но его воображение уже рисовало три окровавленных трупа, размозженные черепа, текущий мозг, сумятицу, толпу зевак, вскрытие... С злорадством оскорбленного человека он воображал себе ужас родни и публики, агонию изменницы...

Результатом подобного сочетания параметров «точки восприятия» и «пластов» репрезентируемой действительности стало практически полное отсутствие представления реального коммуникативного поведения главных персонажей. При этом отметим всего лишь два абзаца «бормотания про себя» Турманова и структуру рассказа «Мститель», почти полностью, за исключением четырех реплик героя о цене пистолета и сетки, построенную на сочетании потока реальной речи приказчика и потока сознания оскорбленного мужа. Лишенные реальной речи чеховские герои по сути выполняют дискурсивную роль шута (по М. Фуко и Ю. М. Лотману), что способствует травестированию концепта «мечь».

Итак, на основе разнородного лингвистического материала, в котором нашел воплощение концепт «мечь», мы проверили нашу гипотезу о концептуальных инверсиях и пришли к выводу, что они обусловлены различными эпистемологическими сдвигами, изменениями в структуре константы, вариациями в доминанте бинарных оппозиций, а также, на уровне художественных произведений, семантикой текстовых категорий и параметров, кроме того, особенностями нарративного и дискурсивного хода, а также характером репрезентируемой действительности. Мы пришли к выводу о травестировании концепта «мечь» в русской культуре к концу 19-го века.

Вероятно, идеологические и эпистемологические трансформации в 20 веке обусловили дальнейшие инверсии этого концепта, как в плане восстановления исходной структуры константы (алгоритм 1), так и в выдвигании на первый план естественной обусловленности в бинарных оппозициях переменных. На такой предварительный вывод наталкивает беглый взгляд на реализацию концепта «мечь» в произведениях В. Набокова, М. Алексеева и Ю. Алешковского. Для установления более точного характера трансформаций концепта «мечь» в русской культуре 20-го века требуется детальный анализ разнородного лингвистического материала, что лежит за пределами данной работы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вайсгербер Й. Л. Родной язык и формирование духа. Пер. с нем. Вступ. ст. и коммент. О. А. Радченко. М., 1993.
2. См. подробнее Lakoff, George. The Contemporary theory of Metaphor // Ortony, Andrew (ed.), 1993. - P. 202-251.; Barcelona A. The State of the Art in the Cognitive Theory of Metaphor

and Metonymy and its Application to English Studies // The European English Messenger, 1998. VII/1. P. 45-48.; Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000). Екатеринбург, 2001

3. См. подробнее Лотман Ю. М. Культура и взрыв. М.: Прогресс, 1992. 272 с.

4. Список электронных библиотек на CD, использованных в данной статье: (1) *Словарь синонимов русского языка*. Издательства «ЭТС» © 2003 Мультимедиа-издательство «Адепт»; (2) *Собрание сочинений В. И. Даля* (P) 2000-2001 IDDK © 2001 Мультимедиа-издательство «Адепт»; (3) *Александр Сергеевич Пушкин*. Полное энциклопедическое собрание сочинений. (P) 2002 IDDK (C) 2002 Мультимедиа-издательство «Адепт»; (4) *Encyclopaedia Britannica* 2003 Deluxe Edition CD-ROM; (5) *Лермонтов Михаил Юрьевич*. Полное энциклопедическое собрание сочинений, IDDK -0651 (C) 2002 Мультимедиа-издательство «Адепт»; (6) *Гоголь Николай Васильевич*. Полное энциклопедическое собрание сочинений, IDDK - 0696 (C) 2002 Мультимедиа-издательство «Адепт»; (6) *Достоевский Федор Михайлович*. Полное энциклопедическое собрание сочинений, IDDK - 0659 (C) 2002 Мультимедиа-издательство «Адепт»; (7) *Толстой Лев Николаевич*. Полное энциклопедическое собрание сочинений, IDDK - 0664 (C) 2002 Мультимедиа-издательство «Адепт»; (8) *Лесков Николай Семенович*. Полное энциклопедическое собрание сочинений, IDDK - 0561, (C) 2002 Мультимедиа-издательство «Адепт»; (9) *Чехов Антон Павлович*. Полное энциклопедическое собрание сочинений, IDDK - 0686 (C) 2002 Мультимедиа-издательство «Адепт»; (10) *Shakespeare*. Шекспир. Полное энциклопедическое собрание сочинений, IDDK - 0600 (C) 2003 Мультимедиа-издательство «Адепт».

5. См. также синонимы и лексемы, принадлежащие к тому же семантическому полю: *redress, reparation, retribution*.

6 Даль в словаре отмечает: «Вероятно, месть, м (е)стить, мзда, возмездие и пр. одного корня, от место, за (воз)мещать».

7. Выборка проведена при помощи поисковой программы конкорданс из энциклопедии Britannica Deluxe 2003

8. Фреймы (еще задолго до разработки теории фреймов) фактически выделены самим В. Далем при организации собранного им материала в словарь.

9. Для удобства обработки материала и сравнения все библиотеки записаны в компьютер при помощи программы VCD5.

10. Что соответствует пословице *Чести дворянин не кинет, хоть головушка погинет (сгинет)*

11. Лотман Ю. М. *Пушкин*. Биография писателя. Статьи и заметки. 1960-1990 «Евгений Онегин». Комментарий. Санкт-Петербург: «Искусство - СПб» 1983, 819 с.

12. Выборка по всем произведениям Шекспира показала, что лексема *revenge* употребляется 153 раза; это употребление связано со структурой героя: **Комедии:** Укрощение строптивой (Катарина) — 1, Два веронца (Джулия, Вал) — 2, Сон в летнюю ночь (Титания, Гермия) — 2, Венецианский купец (Шейлок) — 4, Виндзорские проказницы (Пистоль, Миссис Форд) — 4, Много шума из ничего (Клодио, Леонато) — 2, Как вам это понравится (Герцог, Оливия) — 2, Двенадцатая ночь (Мария, Шут, Мальволио) — 4, Троил и Крессида (Троил) — 1, Все хорошо, что хорошо кончается (Король) — 1, Мера за меру (Анджело) — 1; **Хроники:** Генрих Шестой. Часть первая (Талбот, Чарльз, Бедфорд) — 6, Генрих Шестой. Часть вторая (Солдат и др.) — 3, Генрих Шестой. Часть третья- (Король Генрих, Клиффорд, Йорк, Ричард и др) — 14, Ричард Третий (Анна, Королева Маргарет, Дорсет, Принцы, Бэкингэм, Ричард) — 11, Король Джон — 5, Ричард Второй (Джон Гонт, Король Ричард, Серрей) — 4, Генрих Четвертый. Первая часть — 4, Генрих Пятый (Король Генрих, Пистоль) — 3, Генрих Восьмой — 2; **Трагедии:** Тит Андроник (Тамора, Тит) — 22, Ромео и Джульетта (Бенволио) — 1, Юлий Цезарь (Антоний, Кассий, Плебеи) — 4, Гамлет (Призрак, Гамлет, Король Клавдий, Лаэрт) — 11, Отелло (Яго, Отелло, Эмилия) — 6, Король Лир (Корвол, Альби) — 2, Макбет (Банко, Малькольм) — 2, Кориоланус (Кориоланус, Мартиус) — 5, Тимон Афинский — (Сенаторы, Граждане) — 3; **Романтические пьесы:** Перикл (Клео) — 1, Цимбелин (Имоджин, и др.) — 4, Зимняя сказка — 2, Буря (Калибан) — 1,

The Two Noble Kinsmen -1; **поэмы:** Обещанная Лукреция -6, сонеты (150) -1

13. Зигмунд Фрейд предполагает здесь (my dull revenge) подсознательное воплощение эдипова комплекса [Фрейд З. Художник и фантазирование: Пер. К. М. Долгова. М.: Республика,). ISBN 5-250-02522 — 6с нем. / Под ред. Р. Ф. Додельцева, 1995. 400 с.: ил].

14. Результаты поиска по всем используемым электронным библиотекам.